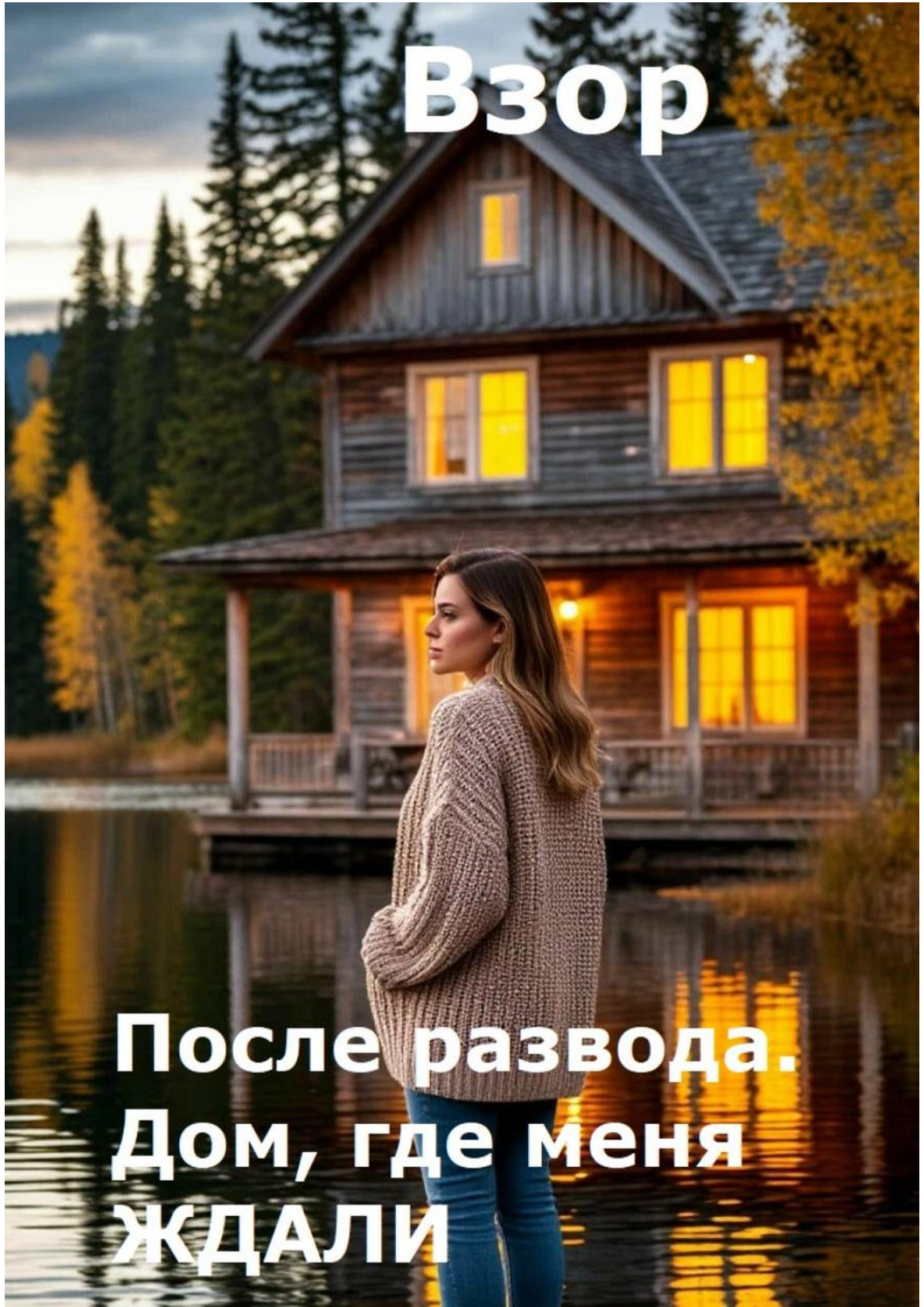

A woman with long brown hair, wearing a beige cable-knit sweater and blue jeans, stands in profile on a wooden pier over a calm lake. She is looking towards a two-story wooden house with a dark roof and glowing yellow windows. The house is surrounded by tall evergreen trees and some autumn-colored trees. The scene is set at dusk, with the sky showing soft colors. The woman's reflection is visible in the water.

Взор

После развода.
Дом, где меня
ЖДАЛИ

Максим Взор

**После развода. Дом,
где меня ждали**

«Автор»

2026

Взор М.

После развода. Дом, где меня ждали / М. Взор — «Автор», 2026

Одна поддельная подпись. Один чемодан, собранный за сорок минут. И восемнадцать лет жизни, которые оказались тщательно спланированной аферой. Организатор элитных мероприятий Вера Соколова теряет всё: брак, компанию и иллюзии. В поисках передышки она уезжает в Сосновый Берег — в старую усадьбу на берегу озера, доставшуюся ей от тёти. Но вместо тишины её ждут долг перед банком, руины и мужчина из прошлого. Максим Орлов восстанавливает старые дома. Он немногословен, надёжен и всё ещё смотрит на Веру так, словно на дворе их общее девятнадцатилетие. У них есть ровно тридцать дней, чтобы спасти усадьбу от сноса и превратить её в гостевой дом. Но главная реставрация, которая им предстоит — это работа над собственными сердцами. Трогательная история о втором шансе, женской силе и любви, которая умеет ждать.

© Взор М., 2026

© Автор, 2026

Максим Взор

После развода. Дом, где меня ждали

Глава 1. Моя подпись

В день восемнадцатой годовщины нашей свадьбы муж продал мой дом.

Я узнала об этом за одиннадцать минут до того, как он собирался подняться на сцену и объявить сделку двумстам гостям.

— Вера Андреевна, здесь нужна ваша подпись.

Девушка из юридического отдела протянула мне папку. Молоденькая, напряжённая, с таким выражением лица, будто подозревала: открывать её мне не следует.

В банкетном зале звучала музыка. Официанты расставляли на столах бокалы. На огромном экране за сценой застыла наша с Антоном фотография — мы смеёмся, держась за руки, и выглядим людьми, которым можно доверить не только собственную свадьбу, но и всю жизнь.

Именно этим мы занимались последние пятнадцать лет. Организовывали чужие счастливые дни.

Компания называлась «Соколовы. Особые события».

На пригласительных сегодняшнего вечера было напечатано: «Пятнадцать лет создаём воспоминания».

Мои собственные воспоминания в этот момент помещались в синюю папку.

Я открыла её и увидела кадастровый номер дома в Сосновом Береге.

— Что это?

Девушка моргнула.

— Дополнительное соглашение. Антон Викторович сказал, что вы в курсе.

Я пролистнула страницы. Земельный участок. Дом площадью четырёхсот двадцать метров. Хозяйственные постройки. Береговая линия.

Дом тёти Нади.

Единственное место, которое принадлежало лично мне.

— Почему здесь указана продажа?

— Это обеспечение сделки с «Гранд Девелопмент». После регистрации объект перейдёт...

— Я умею читать.

Голос прозвучал жёстче, чем я хотела. Девушка побледнела.

— Простите. Как вас зовут?

— Настя.

— Настя, я никогда не соглашалась продавать этот дом.

Она посмотрела на нижнюю часть страницы.

Там стояла моя подпись.

Точный наклон. Широкая первая буква. Короткий росчерк, который я придумала ещё в университете, потому что хотела подписываться красиво и по-взрослому.

Только я не подписывала этот документ.

— Где мой муж?

— За сценой. Через пять минут презентация.

Я захлопнула папку.

В зеркальной стене отразилась женщина в серебристом платье. Идеальная укладка, спокойное лицо, тонкая золотая цепочка на шее. Эту женщину я создавала весь день: терпеливо сидела перед визажистом, улыбалась фотографу, проверяла меню и рассадку гостей.

Теперь она смотрела на меня чужими глазами.

Я пошла к сцене.

Антон стоял за кулисами рядом с Кристиной Мельник, нашим финансовым директором. Они разговаривали вполголоса. При моём появлении Кристина резко отступила от него.

Я остановилась.

До этой секунды я думала только о доме.

Теперь увидела, как ладонь Антона соскользнула с её талии.

Небрежное движение. Почти незаметное.

Но за восемнадцать лет брака женщина изучает руки мужа лучше, чем собственное лицо.

— Вера, — улыбнулся Антон. — Ты как раз вовремя.

Кристина поправила прядь волос. На её безымянном пальце блеснуло кольцо с зелёным камнем.

Я знала это кольцо.

Три недели назад Антон сказал, что покупал его для корпоративного подарка важной клиентке.

— Оставь нас, — сказала я.

Кристина посмотрела на Антона, ожидая его решения.

Не моего.

Его.

И это оказалось красноречивее любого признания.

— Кристина, выйди, — произнёс он.

Она прошла мимо меня, оставив после себя запах белых цветов. Тот же запах держался в машине Антона в прошлый четверг. Тогда он сказал, что подвозил сотрудницу.

Он почти не лгал.

Просто каждый раз отдавал мне ту часть правды, которая не могла его погубить.

Я положила папку на стол.

— Объясни.

Антон взглянул на обложку и раздражённо выдохнул.

— Кто тебе это дал?

— Не тот вопрос.

— Вера, у нас через три минуты начинается презентация.

— Тогда у тебя есть три минуты, чтобы объяснить, почему ты подделал мою подпись.

Он подошёл ближе.

— Не устраивай сцену.

Я рассмеялась. Негромко и совершенно искренне.

— Мы с тобой зарабатываем на сценах, Антон. Ты выбрал для этой великолепное оформление.

За занавесом ведущий попросил гостей занять места.

Антон понизил голос:

— Дом разваливается. Ты не была там четыре года. Мы всё равно собирались его продавать.

— Ты собирался.

— Какая разница? Деньги спасут компанию.

— От чего?

Он замолчал.

Впервые за вечер в его лице появилась не досада, а страх.

Я всё поняла.

Не подробности. Только главное.

Компанию уже требовалось спасать, а человек, с которым я прожила половину жизни, не счёл нужным сказать мне об этом.

— Сколько? — спросила я.

— Сейчас не время.

— Сколько мы должны?

— Вера...

— Сколько?

— Сорок семь миллионов.

Музыка за занавесом стихла.

Ведущий произнёс наши имена.

Антон протянул мне руку.

— Мы выйдем, улыбнёмся, объявим о сделке. Завтра я всё объясню.

Я посмотрела на его ладонь.

Когда-то я вложила в неё свою жизнь, уверенная, что муж понесёт её бережно.

Оказалось, он просто считал её своей собственностью.

— Нет, — сказала я.

— Что — нет?

Я взяла со стола папку и шагнула к сцене.

— Сегодня объяснять буду я.

Свет ударил в глаза.

Гости зааплодировали. На экране появилось видео: наши первые проекты, первые награды, первые годы брака. Антон догнал меня у микрофона.

Он улыбался.

Я тоже.

— Друзья, — начала я, глядя на зал, — сегодня мы собирались объявить о начале нового этапа компании «Соколовы».

Антон едва заметно кивнул.

Я открыла папку.

— Но прежде я должна сообщить, что моя подпись под договором продажи дома в Сосновом Береге подделана. Сделка не состоится.

В зале стало тихо.

— Вера, — процедил Антон.

Я повернулась к нему.

На нас смотрели двести человек, три камеры и женщина с зелёным кольцом.

— А наш брак, — сказала я, — закончился.

И впервые за восемнадцать лет Антон Соколов не нашёл, что ответить.

Глава 2. Дождь над озером

До Соснового Берега я добралась глубокой ночью.

Дождь начался за сорок километров до города. Сначала редкие капли разбивались о стекло, потом дорога исчезла за сплошной водяной стеной.

Телефон не умолкал.

Антон звонил двадцать три раза. Потом принялся писать.

«Ты всё разрушила».

«Мы могли поговорить дома».

«Кристина здесь ни при чём».

Последнее сообщение пришло полчаса назад:

«Если ты сейчас вернёшься, я всё исправлю».

Я выключила звук.

На заднем сиденье лежали два чемодана и коробка с документами. Восемнадцать лет жизни, упакованные за сорок минут.

Когда я уходила из квартиры, Антон ещё давал интервью гостям и партнёрам. Наверное, объяснял, что жена перенервничала, неправильно поняла условия сделки и переживает трудный период.

Он всегда умел делать мою боль неудобной особенностью моего характера.

Навигатор сообщил, что маршрут завершён.

За мокрым лобовым стеклом темнели старые ворота.

Вывеска над ними покосилась, но буквы сохранились:

«Дом у озера».

Так тётя Надя называла свою гостиницу, хотя официально здесь никогда не было гостиницы. Летом она сдавала комнаты художникам, музыкантам и городским семьям, которым хотелось тишины. Брала с них смешные деньги, кормила завтраками и запрещала разговаривать за столом о работе.

Дом закрыли после её смерти.

Я всё собиралась приехать. Разобрать вещи. Решить, что делать с участком.

Но сначала был сложный сезон. Потом юбилей компании. Потом ремонт квартиры. Потом Антону понадобилось моё участие в очередном проекте.

Четыре года сложились из множества важных причин не приезжать.

Я вышла под дождь и попыталась открыть ворота. Замок заржавел. После нескольких бесполезных рывков я бросила чемодан прямо в грязь и перелезла через низкую каменную ограду.

Каблук зацепился за край.

Я вскрикнула, полетела вниз и приготовилась удариться коленями о землю.

Меня поймали.

Сильные руки обхватили за талию и удержали в нескольких сантиметрах от мокрой травы.

— Не двигайся, — сказал мужской голос.

В темноте щёлкнул фонарь.

Я увидела резкие скулы, тёмные волосы с первой сединой и глаза, которые узнала сразу. Максим Орлов.

Двадцать лет не смогли сделать его чужим.

Он поставил меня на ноги, но рук не убрал.

— Вера?

Я открыла рот.

Из всех возможных слов выбрала самое глупое:

— Ты что здесь делаешь?

Он посмотрел на дом.

— Вообще-то это я должен спросить.

На нём была промокшая рабочая куртка. В свете фонаря я заметила грязь на его руках и свежую царапину у виска.

— Я приехала к себе, — сказала я.

— Вижу.

— Тогда отпусти.

Максим медленно разжал руки.

Моё тело заметило их отсутствие раньше, чем разум успел возмутиться.

— Ворота открываются внутрь, — сказал он.

— Я помню.

— Судя по тому, как ты через них перелезала, не очень.

Тот же спокойный голос. Та же способность одной фразой вызвать во мне желание швырнуть чем-нибудь тяжёлым.

В девятнадцать лет я любила его так сильно, что иногда становилось трудно дышать.
В двадцать он исчез, не попрощавшись.
— Где ключи? — спросил Максим.
Я показала связку.
Он выбрал нужный ключ с первой попытки и открыл боковую калитку.
— Откуда ты знаешь?
— Я присматривал за домом.
— По чьей просьбе?
— Надежды Петровны.
— Она умерла четыре года назад.
— Просьбы иногда действуют дольше людей.
Он взял мой чемодан.
— Не надо.
— Колесо отвалилось.
Я посмотрела вниз. Одно колесо действительно лежало в грязи.
— Прекрасно.
— Это ещё не самое плохое.
— Что может быть хуже?
Словно отвечая, над домом вспыхнула молния. На секунду осветились выбитое окно второго этажа и часть крыши, закрытая синим брезентом.
— Когда это случилось?
— Вчера упала сосна. Я успел накрыть крышу до дождя.
Мы поднялись на крыльцо. Максим отпер дверь, вошёл первым и посветил внутрь.
В холле пахло пылью, деревом и сушёными яблоками. На стене висели часы с маятником.
Под лестницей стояли тётнины резиновые сапоги.
От этого обычного предмета у меня внезапно перехватило горло.
Я отвернулась.
Максим ничего не сказал. Только поставил чемодан и нашёл на столике коробок спичек.
В старом подсвечнике загорелась свеча.
— Электричества нет?
— Отключили за долги.
Я закрыла глаза.
Разумеется.
— Вода?
— В колодце. Насос без электричества не работает.
— Отопление?
— Печь.
— Она хотя бы цела?
— Частично.
Я посмотрела на него.
— Ты всегда приносишь столько хороших новостей?
— Только тем, кто приезжает ночью в грозу и вечернем платье.
Я опустила глаза. Под расстёгнутым пальто действительно блестело серебристое платье.
Я не переделалась. Просто приехала сюда прямо с уничтоженной годовщины.
— Мне некуда больше ехать, — произнесла я.
Слова вырвались сами.
На лице Максима что-то изменилось. Исчезла насмешка.
— Тогда оставайся.
Просто два слова.

Без вопросов. Без жалости. Без требования рассказать, почему я появилась спустя двадцать лет.

Я отвернулась к окну.

— Мне нужно осмотреть дом.

— Утром.

— Сейчас.

— На втором этаже повреждено перекрытие.

— Это мой дом.

— Именно поэтому я не хочу, чтобы он убил тебя в первую же ночь.

Где-то наверху раздался треск.

Я вздрогнула.

Максим поднял фонарь.

— На кухне безопасно. Там есть диван. Я принесу дрова.

— Не нужно обо мне заботиться.

Он посмотрел на моё платье, сломанный чемодан и погасший телефон в руке.

— Хорошо. Будем считать, что я забочусь о доме.

Он вышел.

Через минуту снаружи загорелись фары его машины. Их свет скользнул по стене и выхватил старую фотографию в деревянной рамке.

На снимке мне было девятнадцать.

Я сидела на пристани, запрокинув голову от смеха. За моей спиной стоял Максим и держал ладони у меня на плечах.

Фотографию я никогда раньше не видела.

А на её обороте тётиной рукой было написано:

«Пусть однажды она всё-таки узнает, кто её ждал».

Глава 3. Максим

Я представлял её возвращение сотни раз.

Вера выходила из машины у ворот. Шла по дорожке. Увидев меня, останавливалась.

В одних вариантах она улыбалась. В других плакала. Иногда проходила мимо, будто мы никогда не были знакомы.

Ни разу она не перелезала через забор в вечернем платье.

Я занёс в дом дрова и увидел фотографию в её руках.

Надежда Петровна оставила её на стене намеренно. За месяц до смерти позвала меня на кухню, налила чай и сказала:

— Когда Вера вернётся, не смей прятаться.

Я ответил, что она не вернётся.

— Все возвращаются туда, где были собой, — сказала Надежда Петровна. — Просто некоторым требуется больше времени.

Четыре года я следил за домом. Латал крышу, прочищал водостоки, обрезал сад. Делал только самое необходимое, потому что полное восстановление без согласия собственницы было невозможно.

Дважды писал Вере.

Оба письма остались без ответа.

Потом позвонил её муж и предложил оценить дом перед продажей.

Тогда я понял, что возвращаться она не собирается.

— Ты хранил это? — спросила Вера.

— Фотография висела здесь.

— Я спрашиваю не о фотографии.

Она повернула ко мне рамку.

Надпись была сделана на обороте, но я и так знал каждое слово.

— Твоя тётя любила драматические формулировки.

— Кто меня ждал?

Мне следовало сказать правду.

Вместо этого я положил дрова у печи.

— Наверное, она имела в виду дом.

Вера коротко усмехнулась.

— Конечно. Дом.

Я занялся растопкой. Спички отсырели, но с третьей попытки огонь схватился. Вера стояла рядом, обняв себя руками.

На её пальце не было обручального кольца. Осталась светлая полоска.

Я не должен был её замечать.

— Почему ты приехала? — спросил я.

— Потому что имею право.

— Я не про дом.

— А я не хочу говорить о другом.

Я кивнул.

Вера никогда не любила, когда на неё давили. В юности при любой попытке потребовать ответ она замыкалась или нападала.

Сейчас она выбрала второе.

— Ты работаешь здесь? — спросила она.

— Восстанавливаю старые здания.

— Без разрешения владельцев?

— Вчера на крышу упало дерево.

— И ты случайно оказался рядом?

— Моя мастерская через дорогу.

Она посмотрела в окно, за которым ничего не было видно из-за дождя.

— Давно?

— Семь лет.

— Женат?

Вопрос прозвучал слишком быстро.

Я поднял глаза.

— Разведён.

— Дети?

— Дочь. Соня. Четырнадцать.

Вера отвернулась к огню.

— Ясно.

Я мог спросить её в ответ. О муже. О детях. О причине, по которой она приехала ночью одна.

Но человек имеет право рассказать о катастрофе тогда, когда перестанет задыхаться от пыли.

— На диване есть чистый плед, — сказал я. — Утром привезу генератор.

— Я заплачу.

— Договорились.

— И за крышу.

— Сначала нужно её осмотреть.

— Ты не обязан ничего делать бесплатно.

— Я уже согласился, Вера.

— На что?

— Брать с тебя деньги.

Она поджала губы.

— Хорошо.

Дождь усилился. По стеклу потекли широкие струи.

— Ты не уедешь в такую погоду, — сказала она.

Это был не вопрос.

— Домой десять минут.

— Дорогу размыло ещё на въезде.

— Я проеду.

— А если нет?

— Тогда буду выглядеть глупо.

— Ты и раньше справлялся.

Я улыбнулся.

Вот она.

На секунду передо мной была прежняя Вера — язвительная, живая, не умеющая долго скрывать улыбку.

Потом её телефон засветился.

На экране появилось имя: **Антон**.

Вера сбросила вызов.

Телефон зазвонил снова.

— Ответь, — сказал я.

— Не хочу.

— Тогда выключи.

— Не могу.

Она смотрела на экран так, словно там отсчитывалось время до взрыва.

Я взял куртку.

— Ты куда?

— За водой и аптечкой. У тебя рука в крови.

Только теперь она заметила порез на ладони. Видимо, зацепилась за ограду.

— Ерунда.

— Возможно. Но ржавые ворота любят людей, которые так думают.

Я уже открыл дверь, когда она произнесла:

— Я развожусь.

Я остановился.

Не повернулся. Дал себе одну секунду, чтобы это известие перестало звучать как исполнение желания.

— Понятно, — ответил я.

— Это всё?

— А что я должен сказать?

— Не знаю.

Я тоже не знал.

Сказать, что мне жаль, означало солгать.

Сказать, что я рад, было бы жестоко.

— Можешь остаться здесь, сколько потребуется, — произнёс я.

— Дом мой.

— Я говорил не о доме.

За моей спиной стало тихо.

Я вышел под дождь, прежде чем она успела увидеть моё лицо.

В машине меня ждал пропущенный звонок с незнакомого московского номера. Следом пришло сообщение:

«Максим Сергеевич, это Антон Соколов. Моя жена приехала в Сосновый Берег. Не позволяйте ей входить в дом. Объект находится в залоге у банка».

Глава 4. Тридцать дней

Утром Максим исчез.

На кухонном столе остались термос с кофе, пакет с тёплыми булочками и записка:

«Не поднимайся на второй этаж. Вернись к десяти».

Он по-прежнему писал печатными буквами, слегка наклоняя их влево.

Я разозлилась на себя за то, что помнила.

Почти не спала. Дождь стучал по крыше, в печи потрескивали поленья, а телефон лежал экраном вниз. Под утро я всё-таки прочитала сообщения Антона.

После угроз начались уговоры.

Он писал, что Кристина для него ничего не значит. Что компания переживает временные трудности. Что продажа дома — единственный разумный выход. Что я всегда была эмоциональной и потом пожалею о публичном скандале.

Ни разу он не написал: «Прости».

В девять я позвонила юристу.

Не корпоративному. Тому, которого нашла по рекомендации Лины.

— Если согласие подделано, сделку можно оспорить, — сказал он. — Но потребуется почерковедческая экспертиза. Пришлите документы.

— А если дом в залоге?

— Вы давали согласие на залог?

— Нет.

— Тогда будем оспаривать и его. Но есть проблема: договор заключён восемь месяцев назад.

Я сжала телефон.

— Что это меняет?

— Банк мог действовать добросовестно. Потребуется доказательства, что вы не знали о сделке. Кроме того, кредитор вправе начать реализацию объекта до окончания разбирательства. Мы попросим суд наложить обеспечительные меры, но это не происходит за один день.

— Сколько у меня времени?

— Узнаю после изучения документов.

Максим приехал без пяти десять. Вместе с ним во двор въехали грузовой фургон и маленькая красная машина.

Из машины выбралась девочка в жёлтой куртке. Высокая, худая, с тяжёлой косой и фотоаппаратом на шее.

— Пап, — сказала она, увидев меня на крыльце, — это и есть та самая Вера?

Максим едва заметно поморщился.

— Соня.

— Что? Ты говорил, хозяйка приехала.

— Ты сказала «та самая».

— Потому что другой Веры я не знаю.

Девочка подошла ко мне и протянула руку.

— Софья Орлова. Можно Соня. Я не всегда такая невоспитанная. Только когда не выпалась.

— Вера Соколова. Я тоже.

Она взглянула на моё пальто, под которым всё ещё было серебристое платье.

— Вы красивая.

— Спасибо.

— И очень непрактично одетая.

— Соня, разгружай инструменты, — сказал Максим.

— Уже ухажу.

Она направилась к фургону, но успела показать мне большой палец.

Максим поднялся на крыльцо.

— Как рука?

— Жить буду. Почему ты не сказал про залог?

Он остановился.

— Откуда знаешь?

— Юрист сообщил.

— Я хотел рассказать после осмотра дома.

— Почему не вчера?

— Ты приехала ночью после развода.

— Поэтому решил, что ещё одна катастрофа будет лишней?

— Поэтому решил дать тебе несколько часов сна.

— Не надо решать за меня.

Он выдержал мой взгляд.

— Хорошо. Банк прислал уведомление. Если задолженность не будет погашена, через тридцать дней начнётся процедура реализации дома.

Воздуха в груди стало мало.

— Сумма?

— Двенадцать миллионов без процентов.

Я опустилась на ступеньку.

Дом тёти Нади оценивался значительно дороже, но свободных двенадцати миллионов у меня не было. Все накопления мы вкладывали в компанию. Точнее, я думала, что вкладывали.

— Антон знал?

— Он оформлял залог.

— А ты?

Максим помолчал.

— Я делал первичную оценку состояния здания.

— Для банка?

— Для компании, которая планировала реконструкцию.

— Компании Антона?

— Нет. Покупателя.

Мне захотелось ударить его.

Не потому, что он оценивал дом. Потому, что прошлой ночью смотрел на меня, приносил воду, говорил, что я могу остаться, и ничего не рассказал.

— Ты знал, что дом продают.

— Знал, что готовится сделка. Не знал, что без твоего согласия.

— И не подумал мне позвонить?

— Я звонил.

— Когда?

— В феврале и марте. Трубку брал Антон.

Я вспомнила. Зимой муж дважды говорил, что мне звонил какой-то подрядчик из Соснового Берега, пытавшийся навязать услуги по ремонту.

— Почему не написал?

— Писал. На адрес, который дала Надежда Петровна.

Старый почтовый ящик я почти не проверяла. Доступ к нему был и у Антона.

— Ты мог найти другой способ.

— Мог, — согласился Максим. — Не нашёл.

Соня и двое рабочих разгружали генератор, делая вид, что не слышат наш разговор.

— Уезжай, — сказала я.

— Вера...

— Это мой дом. Я не хочу тебя здесь видеть.

Он не стал спорить.

Кивнул рабочим, и те начали складывать инструменты обратно.

Соня посмотрела на отца, потом на меня.

— Мы правда уезжаем?

— Да.

— Но крыша...

— Соня.

Она сжала губы и пошла к машине.

Я смотрела, как Максим закрывает фургон. Он двигался спокойно, без демонстративной обиды. От этого становилось ещё хуже.

Перед тем как сесть за руль, он подошёл ко мне и положил на перила визитку.

— Здесь номер инженера из районной администрации. Он подтвердит, что после следующего сильного дождя западная часть крыши может обрушиться.

— Я найду другую компанию.

— Найди сегодня.

— Найду.

Максим задержался на секунду.

— Антон звонил мне ночью.

Я подняла голову.

— Зачем?

— Просил не пускать тебя в дом.

— И ты решил предупредить меня только сейчас?

— Я не выполнил его просьбу.

— Хочешь благодарности?

— Хочу, чтобы ты понимала: он приедет.

— Пусть.

— Вера, человек, который подделал твою подпись, не остановится из-за того, что ты публично сказала ему «нет».

Он ушёл.

Через полчаса машины скрылись за воротами.

Я осталась одна.

В одиннадцать позвонили из банка.

— Вера Андреевна, — произнёс вежливый мужской голос, — поскольку вы являетесь собственником заложенного имущества, обязаны уведомить вас: срок добровольного погашения задолженности истекает через тридцать календарных дней.

— А если я докажу, что согласия не давала?

— Вы вправе обратиться в суд.

— Суд успеет рассмотреть дело?

Пауза оказалась достаточно долгой.

— Мы не можем этого гарантировать.

Я посмотрела на дом.

На облупившиеся рамы. На заросший сад. На синюю плёнку, вздувающуюся над повреждённой крышей.

Тридцать дней.

Чтобы найти двенадцать миллионов.

Или доказать, что дом способен заработать их для меня.

Я подняла визитку Максима.

Позвонила.

— Орлов, — ответил он после первого гудка.

— Я не прошу прощения.

— Я не жду.

— Мне нужен расчёт ремонта.

— Когда?

Я посмотрела на часы.

— Вчера.

Он помолчал.

— Буду через десять минут.

Глава 5. Цена спасения

Максим разложил чертежи на кухонном столе.

Я переоделась в старые джинсы и тётин свитер, найденный в шкафу. Рукава были короткими, зато я больше не выглядела беглой участницей собственного юбилея.

— Полностью восстановить дом за месяц невозможно, — сказал Максим.

— Мне не нужно полностью. Нужно открыть его для гостей.

— Здесь нет электричества, отопления и исправной канализации.

— Значит, начнём с них.

— На втором этаже шесть комнат. Безопасными можно сделать четыре. Ещё две — на первом. Кухня, столовая и терраса требуют косметического ремонта. Западное крыло закрываем.

— Сколько?

Он написал цифру.

Я посмотрела на неё.

Потом ещё раз.

— Ты приписал лишний ноль?

— Нет.

— За эти деньги можно построить новый дом.

— Можно. Плохой и без фундамента.

— Максим.

— В смету входит крыша, электрика, котёл, трубы, окна второго этажа и усиление перекрытий. Мебель, текстиль и техника — отдельно.

— Мне нужно дешевле.

— Тогда выбирай, что тебе не нужно: свет, вода или крыша.

Я прошла по кухне.

На счетах у меня оставалось около двух миллионов. Ещё были украшения, машина и доля в компании, стоимость которой после вчерашнего могла оказаться чисто символической.

— Если мы восстановим шесть комнат, сколько они смогут приносить?

Максим взял калькулятор.

— В высокий сезон — прилично. Но сейчас сентябрь. В октябре поток падает.

— Значит, создадим причину приехать.

— Какую?

— Не знаю. Фестиваль. Выходные для семей. Мастер-классы. Осенние свадьбы.

— За месяц?

— Я за три недели организовала мероприятие на восемьсот человек в старой типографии, где не было ни отопления, ни нормального въезда.

— И сколько у тебя было сотрудников?

— Сорок семь.

— А сейчас?

Я посмотрела в окно. Во дворе Соня фотографировала старую яблоню. Рабочие ждали решения.

— Сейчас есть я.

— Убедительно.

— И ты.

Максим медленно поднял глаза.

— Мы ещё не договорились.

— Ты назвал цену.

— За ремонт. Не за моё круглосуточное участие в безумии.

— Боишься?

— Разориться.

— Я заплачу аванс.

— Деньги у тебя есть?

— Будут.

— Вера.

— Не твоя проблема.

— Если я закуплю материалы, а через неделю ты передумаешь и уедешь, это станет моей проблемой.

Его слова ударили точнее, чем должны были.

— Ты всё ещё считаешь, что я уеду?

— Ты уже однажды уехала.

На кухне стало тихо.

— Мне было девятнадцать.

— Я помню.

— Ты исчез первым.

— Нет.

Одно короткое слово.

— Что значит «нет»?

Максим собрал листы в ровную стопку.

— Сейчас мы обсуждаем дом.

— Ты сам начал.

— И зря.

— Объясни.

Он посмотрел на меня так, будто за двадцать лет накопил слишком много ответов и ни один нельзя было произнести первым.

В кухню влетела Соня.

— Пап, там машина.

За окном у ворот остановился чёрный внедорожник.

Я узнала его раньше, чем открылась дверь.

Антон вышел без зонта. В дорогом пальто, светлой рубашке и туфлях, непригодных для мокрой дорожки. Он выглядел безупречно — как человек, который приехал исправлять чужую ошибку.

Не свою.

— Быстро, — сказал Максим.

— Я предупреждал, что он приедет.

Антон поднялся на крыльцо и вошёл без стука.

Увидев Максима, он замер.

— Не ожидал застать вас вместе.

— Это мой подрядчик, — сказала я.

Максим чуть повернул голову в мою сторону, но промолчал.

— Вера, нам нужно поговорить наедине.

— Нет.

— Это касается нашего брака.

— Наш брак закончился вчера.

— Ты не можешь решить это одна.

— Могу. Для развода достаточно желания одного человека.

Антон посмотрел на Максима.

— Оставьте нас.

Максим остался на месте.

— Я у себя на объекте.

— Это частная собственность моей жены.

— Именно.

Антон стиснул челюсть.

Я вышла из-за стола.

— Говори при нём или уезжай.

— Прекрасно. Ты хочешь сохранить дом? Я согласен.

Я не поверила.

Антон достал из портфеля бумаги.

— Я погашу долг и откажусь от продажи. Взамен ты публично опровергнешь вчерашние слова, вернёшься домой и передашь мне управление своей долей компании на пять лет.

Максим не шелохнулся.

Я взяла документы.

Условия занимали шесть страниц. Антон подготовил их до приезда. Значит, не собирался просить прощения. Собирался торговаться.

— А Кристина? — спросила я.

— Кристина уволится.

— Я спросила не об этом.

— Между нами ничего серьёзного.

— Сколько времени?

Он провёл ладонью по волосам.

— Вера, сейчас главное спасти компанию.

— Сколько времени ты с ней спишь?

Соня тихо вышла из кухни. Максим тоже направился к двери.

— Останься, — сказала я.

Он остановился.

Антон побледнел.

— Полтора года.

Мне показалось, что дом качнулся.

Полтора года назад мы ездили в Италию отмечать моё тридцатисемилетие. Антон подарил мне серьги. Мы сидели на маленькой площади, пили вино, и он говорил, что счастлив.

Возможно, в тот же вечер писал ей.

— Она беременна? — спросила я.

Он молчал.

Этого оказалось достаточно.

Я разорвала соглашение пополам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.